

ЗА ГРАНЬЮ

**Читайте мистические триллеры
Альбины Нури в серии «За гранью»:**

Вычеркнутая из жизни

Пропавшие в раю

Отмеченная судьбой

Очарованная мраком

Плененные тайной

Пятый неспящий

Обреченные на страх

Пассажир своей судьбы

Глоток мертвой воды

Дорога в мир живых

По разные стороны вечности

Альбина
НУРИ

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ
ВЕЧНОСТИ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Нури, Альбина.

Н90 По разные стороны вечности : [роман] / Альбина Нури. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (За гранью. Мистические триллеры Альбины Нури).

ISBN 978-5-04-100290-9

Магда попала в аварию, которой совсем не помнит из-за амнезии, и пережила клиническую смерть. После этого меняются вкусы Магды, невеста откуда накатывают воспоминания о том, что ей никак не может быть известно... Эти знания приходят внезапно, управлять ими она не может, удержаться и не сообщить окружающим — тоже. Соседка уговаривает Магду обратиться к знакомой ясновидящей, но из этого визита ничего хорошего не выходит — в приемной на нее набрасывается одна из посетительниц. Она кричит, что Магда не живая и ей здесь не место...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нури А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100290-9

ПРОЛОГ

— Пока везли, давление упало! Пульс едва прощупывается.

— Так, давайте, берем!

— Раз, два...

— Капельница! С капельницей осторожнее!

— ...три! Взяли!

Четыре пары рук аккуратно переложили ее с каталки на операционный стол. Казалось, все просто беспорядочно суетятся, бегают вокруг да около, но на самом деле врачи и медсестры двигались слаженно, каждое движение было четко отработано. Оно и неудивительно: пациенты в больнице — один за другим, потоком, да и в ситуации ничего нового нет. Аварии на дорогах — сплошь и рядом.

С девушки, что лежала теперь на столе, сняли всю одежду. Нагота никого не смущала — ни ее саму, ни медиков, и было в ней что-то правильное, завершенное: каким пришел человек в этот мир, таким ему и уходить.

АЛЬБИНА НУРИ

Бледное тонкое лицо девушки прежде многие находили пикантным: капризная линия рта, чуть вздернутый нос, родинка на левой щеке. Сейчас никому не было до этого дела, никто не смотрел оценивающим взглядом.

Густые темные волосы ее слиплись от крови; худенькое тело казалось почти детским и странно плоским. Глаза были закрыты, но если бы она открыла их, то цвет оказался бы яблочно-зеленым: необычный, редкий оттенок — многие даже думали, что это цветные линзы.

Непривычно было видеть это тело, это лицо не в зеркальном отражении, как обычно.

«Вот я и взглянула на себя со стороны», — подумала она.

Кардиомонитор надрывался сигналом тревоги. По экрану, образуя диковинный узор, скакали зубцы.

— У нее фибрилляция желудочков!

— Дефибрилятор! Быстро!

Измученное сердце работает плохо, не справляется со своей задачей. Ему не под силу качать кровь, и в эти самые секунды клетки мозга голодают, умирают от недостатка кислорода... Но почему это нисколько ее не занимает? Как будто та девушка, за чью жизнь сейчас изо всех сил борется бригада медиков, — чужой, да к тому же не слишком приятный ей человек. Эти люди хо-

По разные стороны вечности

тят вернуть ее, а она смотрит на их потуги почти равнодушно, потому что...

Потому что не хочет возвращаться обратно? Потому что так — без боли, без страха и страданий — лучше, спокойнее?

Разряд тока молнией прошил лежащую на столе девушку. Кажется, все мускулы одновременно дернулись, мощная волна встряхнула хрупкое тело.

Смотреть на это было неприятно, она поморщилась и отвела взгляд в сторону. Только зачем вообще стоять тут, если можно уйти?

Она повернулась и пошла к двери, оставив за спиной отрывистые реплики врачей, пиканье аппаратуры, слепящий свет, звяканье инструментов. И знакомую незнакомку, которая так и осталась лежать на столе сломанной куклой.

В коридоре свет был совсем другой — мягче, теплее. Здесь тоже были люди — и довольно много. Почти все — в медицинских халатах и костюмах. Но они, так же, как и те, что остались в операционной, не обращали на нее никакого внимания.

«Я же голая!» — мелькнула в голове мысль, и в тот же момент она поняла, что на ней надета ночная рубашка. Короткая, выше колена, красивая и нарядная — кремовая, с синими цветочками-васильками.

АЛЬБИНА НУРИ

Эту ночную рубашку мама купила ей, когда они собрались в Крым на каникулы. Славное было лето. Сначала они отдыхали вдвоем, потом, через две недели, завершив дела на работе, к ним присоединился папа.

Правда, ей тогда было тринадцать лет, и ночнушка эта давным-давно изнасилась, пошла на тряпки...

Но сейчас она снова оказалась на ней, сидела ладно, по фигуре, и это казалось совершенно естественным, нормальным. Она провела руками по бедрам, разглаживая складки. Ноги, правда, так и остались босыми, но это не причиняло никакого дискомфорта: пол не охлаждал ноги, она ступала по квадратным плиткам, как по ковру, и он вроде бы даже пружинил, словно помогая идти.

Она пошла дальше, сама не заметив, как оказалась в другом коридоре. Вдоль стен здесь стояли стулья и диваны, на невысоких столиках лежали журналы, но никто не читал. Здесь вообще почти никого не было. За окнами — темнотища: и когда только успела наступить ночь?

Но если задаться этим вопросом, неминуемо начнешь мысленно возвращаться к тому, что случилось до того, как она здесь оказалась. А делать это было так же неприятно, как наблюдать за самой собой, лежащей на том столе. Поэтому какая разница — стемнело и стемнело.

По разные стороны вечности

Слева на диване, в самом углу, сидел мужчина. Одна рука лежала на подлокотнике, вторая была прижата к горлу. Когда он сильно нервничал, всегда сжимал шею так, будто хотел сам себя задушить.

Она подошла ближе.

— Миша, не надо... Зачем ты сразу о плохом, — тихо проговорила молодая женщина, которая сидела с ним рядом, обнимая его за плечи.

— Да-да, Ксюша, ничего, ничего, — бессвязно пробормотал он, опустив голову и думая о чем-то своем.

Она знала, о чем. Когда умирала в больнице мама, он точно так же сидел в коридоре, смотрел невидящими глазами в пустоту и стискивал свое горло. Только седины в его волосах тогда было меньше.

— Папа, все хорошо, — сказала она, желая его утешить. Ведь и вправду было хорошо! Она присела на корточки рядом с ним, пытаясь поймать его взгляд. — Не волнуйся так!

Отец не услышал.

— Зачем я отпустил ее, да еще так поздно? Пусть бы Максим вернулся и забрал.

— Но ведь она сама хотела! Кто мог подумать... Зачем себя изводить? — Оксана, видимо, сказала это уже не в первый раз, и не особенно надеясь, что ее услышат. — Надо верить. Врач сказал...

АЛЬБИНА НУРИ

— Я знаю, что он сказал. Что шансов немного. Серьезная травма головы.

— Прекрати! — Теперь голос Оксаны звучал сердито. — Немного шансов — это не значит, что их совсем нет! Она молодая, сильная, выкарабкается. Молиться надо, а не в отчаяние впадать.

Отец поднял голову и поглядел на жену, как будто только что заметил, что она рядом. Погладил ее по щеке, провел ладонью по светлым вьющимся волосам. Невысокая, круглолицая, с лучистым взглядом голубых глаз и мелодичным нежным голоском, который звенел прозрачным колокольчиком, Оксана была ни дать ни взять сказочная Девочка-Снегурочка.

— Ты права, Ксюша. Как всегда, права. Что бы я без тебя делал?

Оксана улыбнулась неуверенно, даже робко, словно не могла сообразить, серьезно ли он говорит.

— Все обойдется, вот увидишь. Она поправится. Обязательно.

— Ты сама-то как? — спохватился он. — Нормально? Сколько мы уже тут...

— Нормально, — отмахнулась Оксана. — Мне-то что сделается?

«А где Максим?» — вдруг подумала она, и отец, подслушав ее мысли, внезапно спросил:

— Максим? Он здесь?

Оксана вздохнула и указала куда-то вбок.

По разные стороны вечности

— Вы, мужчины, предпочитаете переживать в одиночку.

Оба — и отец, и Магда — синхронно повернулись в ту сторону, куда она указывала.

— Макс! — воскликнула Магда и вскочила на ноги.

Муж стоял спиной к ним, уставившись в черноту за окном. Застыл неподвижно, засунув руки в карманы брюк. Он постоянно говорил, чтобы Магда водила аккуратнее, а ей так хотелось доказать ему, что она уже вполне уверенно чувствует себя за рулем!

— Сходи к нему, — велел отец, и Оксана послушно засеменила к Максусу.

Магда оглянулась на отца, хотела сказать еще что-то успокаивающее, но передумала: все равно ведь не услышит. Она вздохнула и прикоснулась к его жестким на ощупь волосам. «Как проволока!» — смеялась мама.

Мама... Может быть, она скоро увидит ее?

Отец закинул ногу на ногу и снова прижал ладонь к горлу, нахохлился, ушел в себя. Магда поглядела на Максима. Оксана уже подошла к нему и что-то негромко говорила, поглаживая его по плечу.

Магда оставила отца и направилась к ним. Она хорошо ладила с Оксаной, даже любила мамеху, которая была всего на шесть лет старше ее самой. Но сейчас ей захотелось, чтобы Оксаны

АЛЬБИНА НУРИ

не было возле Макса. Пусть бы она отошла от него, вернулась к отцу. Почему-то показалось: если они с мужем останутся наедине, то он сумеет догадаться, что она рядом. Ведь они всегда чувствовали друг друга!

Но Оксана не думала уходить. Она вполголоса говорила что-то, быстро-быстро, и поначалу слов было не разобрать. А потом Магда оказалась совсем близко, в двух шагах, и слова Оксаны зазвучали отчетливо.

Максим отвечал ей, и Магда, застыв подле них, как соляной столб, слушала, что он говорит.

Незамеченная. Невидимая. Не...

Внезапно все изменилось.

Она увидела... Она не могла *этого* видеть!

Фигуры Максима и Оксаны начали удаляться, таять. Голоса их звучали все тоньше и тоньше, напоминая комариный писк. Потолок, стены, окна, мебель — все вокруг завибрировало, задрожало. Пол поплыл под ногами, и Магда выбросила руку вперед, чтобы ухватиться хоть за что-то, но это ей не удалось: держаться больше было не за что.

Мир сделался зыбким, неверным, завертелся в разноцветном безумном вихре, и она, крича от ужаса, полетела куда-то, не то проваливаясь в бездну, не то взмывая на невысказанную, недостижимую высоту.

ГЛАВА 1

«Для моих девочек — все самое лучшее!» — часто говорил отец, имея в виду Магду и ее маму. И старался, прикладывая все усилия, чтобы дать им это лучшее, поэтому Магда выросла в уверенности, что окружающий мир — замечательное место, а она сама достойна счастья и любви.

Когда Магда училась на третьем курсе института, мамы не стало. Через несколько лет у отца появилась Оксана, но кое-что осталось неизменным: он продолжал заботиться о своих девочках — дочери и новой жене.

Максим, муж Магды, немного напоминал отца, по крайней мере, он тоже считал, что должен принимать на себя ответственность за тех, кого любит.

Сидя на кровати, Магда смотрела в окно и думала, что жизнь ее, за исключением смерти мамы, всегда была безоблачной. Ни забот о хлебе насущном, ни серьезных проблем. До двадцати четырех лет дожила, не зная стоимости коммунальных услуг и цен на продукты. Когда-то этому везению

АЛЬБИНА НУРИ

должен был прийти конец, вот оно и закончилось. Аварией.

Хотя это еще как посмотреть. Другая бы, может, погибла, а Магда спустя пару месяцев уже почти полностью оправилась. Повзрослела, осунулась, стала себя ощущать по-другому, но ведь инвалидом не стала, к постели не прикована. Правда, имелась еще амнезия: сама авария и то, что за ней последовало, начисто стерлись из памяти.

Посттравматический синдром. Или, может, еще какой-то мудреный диагноз. Но это мелочь, которая никак не могла повлиять на дальнейшую жизнь.

— Склероз — самая хорошая болезнь. От нее невозможно вылечиться, но о ней можно забыть. А если серьезно, то даже хорошо, что ты ничего не помнишь. Твое подсознание позаботилось о том, чтобы ты не мучилась тяжелыми воспоминаниями, — Оксана каждый раз, когда приходила навещать ее, одна или с отцом, старалась внушить Магде эту мысль, и в конце концов у нее почти получилось.

— А что спишь неважно, кошмары мучают, так это, милая моя, пройдет. Дай срок. Но вообще-то должно же хоть что-то на память остаться! Чтоб боялась и больше не гоняла! — Это уже Лариса говорила, медсестра, с которой Магда сдружилась за тот месяц, что провела в санатории.

По разные стороны вечности

Магда сомневалась, что хоть когда-то сможет сесть за руль, так что напоминания в виде сновидений, от которых просыпаешься в холодном поту, ей были без надобности, но с Ларисой она не спорила. Она вообще никогда ни с кем не спорила, не ссорилась — такой уж характер. Покладистый, незлобивый. Сама Магда считала себя слабой и ведомой, отец с Максом предпочитали говорить, что она добрая и светлая.

— Не спишь? — В палату заглянула Лариса.

Магда улыбнулась и покачала головой.

— Пол-одиннадцатого, — констатировала медсестра и вошла, прикрыв за собой дверь.

Рослая, пышная, с полными руками и румяными щеками, она словно сошла с полотен Кустодиева.

— Я попрощаться: утром рано сменюсь, не увидимся.

— Домой хочется — ты не представляешь. Больница, реабилитационный центр, санаторий... До смерти надоело.

Палата ее, если честно, больше напоминала номер в хорошей гостинице: красивая мебель, картины, телевизор, лоджия. Вот только это был казенный, не домашний уют — безликий, созданный чужими, равнодушными руками.

— Ясное дело, — согласилась Лариса. — Ничего, немножко осталось. Муж за тобой приедет?